
Родительское благословеніе.

Господь усволяет родительскому благословенію особенную силу въ жизни людей. *Благословеніе родителей*, поучает насъ Священное Писаніе, *утверждаетъ дѣла чадъ* (Сир. 3, 9): непреложную истину эту твердо помнить православный христіанинъ и никогда не разстается съ иконою, которою благословили его родители. Бывали случаи, что образъ, который благословили сына его родители, носимый на груди, спасалъ его отъ смерти, когда дѣлалъ тысячи товарищей на полѣ ратномъ погибали вонругъ его. Приведемъ одинъ такой случай изъ минувшей русско-японской войны.

Въ Прииорскѣ замѣтно было необыкновенное оживленіе. На одну изъ главныхъ улицъ, соединявшую лагерное поле съ гаванью, высыпали обыватели, расположившіеся шпалерами по тротуарамъ. Всѣ нетерпѣливо оглядывались въ ту сторону улицы, откуда раздавались отдаленныя раскаты

«ура». Все явственнѣе становидись крики «ура», и изъ облаковъ пыли стали вырисовываться сгусты сѣропепельнаго цвѣта.

То были русскіе воины, отправлявшіеся на Дальній Востокъ. Вотъ ужъ слышны: лязгъ штыковъ, стукъ манерокъ, скрипѣніе ранцевъ, топотъ тысячи ногъ о мостовую. Временами «ура», вырывавшееся изъ тысячи грудей, покрывалъ шумъ отъ движенія массы вопиющихъ. Многіе обиживаются поклонами и привѣтствіями со знакомыми, находившимися въ строю.

Движеніе еще болѣе усилилось, когда войска пріѣхали въ гавань. Напустившія пожеланія, всхлипыванія, плачь, рыданія на берегу, возгласы, рвздававшіеся съ парохода, гдѣ капитанъ и его помощникъ отдавали послѣднія распоряженія,—все это сливалось въ одинъ общій гулъ, отъ котораго у самыхъ крѣпкихъ людей нервы расходились, кровь приливала къ сердцу и головѣ, и на глазахъ показывались непрощенныя слезы.

Вотъ старикъ-отецъ изъ отставныхъ солдатъ, выдавшій виды, крестить своего сына и внушаетъ не падать духомъ и не осрамить его.

— Оно точно, ежели впервой, немного боязно, а тамъ...

И онъ не закончиваетъ фразы, ибо его воображеніе рисуетъ ему хорошо знакомую картину поля брани, груды раненыхъ и убитыхъ, надъ которыми носится и кружится карнающее воронье, хищныя птицы, наравляшія утолить свой голодъ человѣческой кровію...

Недалекъ старуха-мать лобзаетъ своего сына. Въ ея голосѣ слышны заглушенныя рыданія, а на рѣсницахъ ея старческихъ глазъ блестятъ слезы. Ихъ она не мало пролила уирадкой ночью.

— Дорогой мой сыночекъ, не кручинься; Богъ дастъ свидимся опять. Я буду день и ночь молиться за тебя. Думай обо мнѣ, когда будешь тамъ, и моя молитва дойдетъ до Бога и спасетъ тебя, родимый, отъ несчастья. А если, Боже упаси, мы скоро не увидимся, то я послѣдую за тобою. Стара, вѣдь, я уже больно. Да хранить тебя, родимый, Святая Богородица и Сергій Преподобный.

При этихъ словахъ старуха, всхлиывая, надѣла сыну на шею образокъ Преподобнаго Сергія Радонежскаго...

Раздался сигнальный свистъ, другой, третій... Пароходъ гигантъ сталъ медленно отчаливать. Гулъ усилился. Плачь и рыданія огласили все прибрежное пространство. То плакали отцы, матери, жены, братья, сестры и дѣти отправлявшихся въ далекій невѣдомый край русскихъ воиновъ.

«Счастливаго пути» «до скораго свиданія!»—кричали одни гроико,

напрягая всё свои голосовыя средства, другіе тихо, ибо стояшіе въ горахъ слезы мѣшали имъ кричать...

Пароходъ уходитъ все дальше и дальше, все грудиѣе и труднѣе различать толпившихся у бортовъ его. Вотъ пароходъ принялъ форму черной дини, а согрбленная старушка все еще не покидаетъ гавани и впереяет свои влажные отъ слезъ глаза въ ту сторону, куда направился пароходъ, увезшій съ собою дорога сына. Она что-то шептала.

Прошли два мѣсяца.

Погода стояла пасмурная. Было холодно и сыро. Молодой солдатикъ, лежа на чемъ-то твердомъ, старался ощупать то, на чемъ онъ лежалъ, но тщетно. Онъ не могъ повернуться. Грудь его дышала неровно и порывисто. Мысли его путались. Онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета, гдѣ онъ находился. Онъ начинаетъ что-то припоминать, но новая боль въ одной рукѣ отвлекаетъ его мысли. Временами въ пространствѣ мелькаетъ огонекъ, который то поднимается, то опускается, словно кто-то что розыскиваетъ. Солдатикъ желаетъ вскрикнуть, подозвать къ себѣ, попросить воды напиться, но голосъ отказывается ему служить. Его губы издають какія-то невнятные, еле слышныя звуки. Онъ пытается повернуться то направо, то влево, но опять падаетъ. Если бы онъ могъ оглянуть окружающее его пространство, то увидѣлъ бы еще такихъ же людей, какъ онъ, лежавшихъ поодаль отъ него, тамъ, гдѣ мелькалъ свѣтъ фонаря. У однихъ на губахъ запекшаяся кровь, у другихъ сочилась алая кровь изъ ранъ на головѣ, на животѣ, ногахъ. Одни двигались съ мѣста на мѣсто, другіе лежали неподвижно.

Но молодой солдатикъ этого видѣть не могъ. За то онъ услышалъ скоро какіе то удары. Далеко, далеко на югѣ раздались эти удары: то чаще, то рѣже, то опять становилось тихо. Зловѣщіе, долго гудѣвшіе въ воздухѣ, удары получили нѣкоторую ясность въ мыслительной работѣ солдатика. Онъ уразумѣлъ ихъ значеніе.

То заговорили пушки, повидимому, японскія, ибо удары ядеръ русскихъ пушекъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ солдатикъ, были бы слышнѣе. Солдатикъ вспомнилъ, что онъ участвовалъ въ битвѣ, что его рога обратила въ бѣгство много—много японцевъ, что его товарищъ внезапно выбылъ изъ строя, а вблизи взорвало ядро. Что было дальше—онъ уже не помнить.

Поилъ дождь. Солдатикъ сталъ глотать попадавшія въ ротъ капли.

Онѣ оживили его. Ему становилось легче. Онъ сталъ ощущивать иконку на груди, материнское благословеніе. И ему хочется опять вскрикнуть, позвать къ себѣ тѣхъ, кто вдали рассказываетъ съ фонаремъ, но напрасно. Онъ предается дальнѣйшимъ воспоминаніямъ.

Вотъ онъ видитъ себя дома въ скромной и уютной квартирѣ, окруженной попеченіями матери и покойнаго отца; вотъ онъ ходилъ въ школу, а тамъ поступаетъ въ желѣзнодорожное училище, затѣмъ служба на дорогахъ, смѣнившаяся военной службой. Но надъ всѣми воспоминаніями витаетъ дорогой для него образъ матери. Онъ вспоминаетъ ея прощальный взглядъ на пристани, полный горячей любви, онъ напрягаетъ свой умъ и старается припомнить послѣдніе слова матери. И въ эту минуту такъ живо, какъ бы на яву, точно это было въ дѣйствительности, прямо въ глаза ему заглянула его мать. Она наклонилась надъ нимъ, своею старческою рукою благославляетъ его, гладитъ и цѣлуетъ. Солдатикъ хочетъ обнять ее, дѣлаетъ надъ собою невѣроятное усиліе, вскрикиваетъ не своимъ голосомъ: «мама, матушка!» Онъ впадаетъ въ забытѣе, но крикъ его «мама» былъ услышанъ. Онъ спасенъ. Его спасла мать.

Послышались человѣческіе голоса. То были сестра и братъ милосердія, которые обходили недавнее поле битвы и, вѣща раненыхъ, вдругъ услышали крикъ, раздавшійся въ сторонѣ, гдѣ и не предполагали присутствіе людей.

Солдатику влили въ ротъ какую то влагу изъ флаги, которая живоительно подѣйствовала на него. Онъ раскрылъ глаза и увидѣлъ надъ собою пріятливое лицо молодой женщины. На головѣ у нея была бѣлая повязка, а на груди и рукавѣ красныя кресты.

— За докторомъ скорѣе!—заявила она сопровождавшему ее солдату-фельдшеру,—и носилки велите подать. А мы думали,—прибавила она,—что здѣсь нѣтъ раненыхъ.

Прішелъ докторъ, сталъ осматривать раненаго. Изъ руки солдата сочилась кровь. На лбу зіяла рана.

— У тебя гдѣ болитъ?—спросилъ докторъ.

— Пальцы на правой рукѣ все ноютъ и болятъ.

— Да ихъ, кажись, у тебя и нѣтъ вовсе. Ну это ничего. Мы живо отхватаемъ ножомъ, что можно, а тамъ. Богъ дастъ, ты поправишься.

— Буду ли я живъ, ваше высокоблагородіе, увижу ли я свою мать? Скажите!

И раненый пылко взглянул въ лицо доктору.

— Не бойся: два пальца пострадали и ранка на лбу, скоро все заживетъ. Вотъ, если бы пуля угодила въ животъ или въ голову, тогда северно было бы—сказалъ докторъ, останавливая кровь и дѣлая перевязку раненому.

Принесли носилки, бережно уложили солдатика и пошли на перевязочный пунктъ.

Дорогою солдатикъ рассказывалъ, какъ онъ пытался безуспѣшно подовать къ себѣ сестрицу и санитаря, осматривавшихъ поле съ фонаремъ, какъ голосъ изъбилъ ему, какъ ему показалось, вдругъ, что мать его цѣлуетъ, гладитъ и благословляетъ...

— То-то ты вскрикнулъ: «матушка»!—заявила «сестра». — Вотъ ужъ, подлинно, мать и Преподобный Сергій тебя спасли, а то мы могли бы сегодня и не замѣтить тебя, а черезъ ночь—мало ли что могло случиться?

Дивны пути Провидѣнія. Велика сила материнскаго благословія.

Царю вѣрные слуги! Старайтесь добрымъ и примѣрнымъ поведеніемъ заслужить родительское благословіе, на вѣки нерушимое. Принимайте его, какъ самое дорогое наслѣдство послѣ нихъ, въ особенности же свято храните иконки и крестики, коими напутствовали васъ на военную службу отецъ и мать; они принесутъ вамъ избавленіе на войнѣ отъ смерти и разныхъ злоключеній.

Военный священникъ В. Любимъ.